

Раздел VI
КОНФЕССИОНАЛЬНЫЙ И МИФОЛОГИЧЕСКИЙ
АСПЕКТЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ

Part VI. KONFESIONALINY AND THE MYTHOLOGICAL
ASPEKT OF HISTORICAL EDUCATION

УДК 94(47) + 13 + 37.0

**РОЛЬ ОБРАЗОВАНИЯ В ФОРМИРОВАНИИ КАРТИНЫ
МИРА (ПО МАТЕРИАЛАМ КАТОЛИЧЕСКИХ ОБЩИН
СИБИРИ КОНЦА XIX – НАЧАЛА XX ВВ.)***

В. А. Зверев, Т. Г. Недзелюк (Новосибирск)

Статья посвящена анализу роли образования в формировании картины мира. В качестве объекта исследования выбраны католические общины Сибири конца XIX – начала XX в. Авторы анализируют мотивацию к обучению, легитимность процесса получения конфессионального образования, методiku преподавания закона божьего и ряда других учебных дисциплин. Сделаны выводы о специфике религиозного образования, о влиянии образования на формирование ментальности обучающихся.

Ключевые слова: факторы формирования картины мира, мотивация к обучению.

* Подготовлено в рамках программы фундаментальных исследований Президиума РАН № 29 «Историко-культурное наследие и духовные ценности в России». Работа выполнена при поддержке гранта РГНФ № 11-11-54002а «Католическая церковь в многонациональной Сибири XIX– XX вв.: уроки истории».

Зверев Владимир Александрович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории Института истории, гуманитарного и социального образования Новосибирского государственного педагогического университета.

630126, г. Новосибирск, ул. Виллюйская, д. 28.

E-mail: sosna232@yandex.ru

Недзелюк Татьяна Геннадьевна – кандидат исторических наук, доцент кафедры теории и истории государства и права Сибирской академии государственной службы.

630102, г. Новосибирск, ул. Нижегородская, д. 6.

E-mail: tatned@mail.ru

**THE ROLE OF EDUCATION IN THE WORLDVIEW FORMATION
(ON THE MATERIALS OF CATHOLIC AFFILIATIONS OF SIBERIA IN
THE END OF THE XIXth – THE BEGINNING OF THE XXth CENTURY)**

V. A. Zverev, T. G. Nedzelyuk (Novosibirsk)

The article is devoted to the analysis of the role of education in the worldview formation. The research object is the Catholic affiliations of Siberia in the end of the XIXth – the beginning of the XXth century. The authors analyze the motivations for training, legitimacy of the confessional education process, the technique of teaching Scripture and some other educational subjects. There are made some conclusions on the specificity of religious education, influence of education on the trainees' mentality formation.

Key words: *education, worldview, factors of worldview formation, motivation for training, education system.*

Концепция картины мира, сформулированная более ста лет назад, преследует цель создания целостного представления о данном социоментальном явлении, уделяя при этом значимую роль элементам рефлексии [1–3]. Концепция картины мира, на наш взгляд, является подходящим инструментом для создания комплексного портрета локального сообщества единоверцев (людей, объединенных общей религиозной и культурной традицией, условиями проживания) [4–5]. Одним из самых значимых в ряду факторов формирования картины мира, наряду с социальной адаптацией, экономической интеграцией в принимающее сообщество и пр., является образование. Применительно к объекту нашего исследования (католические общины Сибири рубежа XIX–XX вв.) важно следующее утверждение: школа не только обучала грамоте и давала основы религиозных знаний, но, находясь в условиях иноэтничного окружения, стала важным инструментом сохранения родного языка и национальных традиций.

Осознание образовательного компонента в качестве необходимого фактора формирования религиозной картины мира демонстрировалось самими католиками-сибиряками. «Молодежь растет без воспитания в духе нашей веры», и есть опасение, что «в конце концов из такового населения вырождаются дикари, не знающие, какого они вероисповедания», – тревожились в 1910 г. жители немецких поселков Келлеровка и Мариенбург Акмолинской области [6, л. 8–8 об.]. Осознавали проблему и клирики. Так, настоятельную необходимость школьного обучения детей переселенцев-аграриев католического исповедания акцентировал епископ Иоанн Цепляк в докладе министру внутренних дел Российской империи по результатам своей инспекторской поездки в мае 1909 г. [7].

Нередко у католиков в Сибири школа и молитвенный дом находились под одной крышей, но в официальной статистике фигурировал только один объект. Что фиксировать – училище или костел, католики решали в зависимости от степени лояльности местной администрации и материальных возможностей членов общины, жителей поселения. По существу, происходило отождествление в картине мира двух функций костела: образовательной и литургической. Статистический учет таким образом искажал

ся, однако при проведении подворных обследований в 1899 г. поселяне-католики единодушно утверждали, что у них «учатся все дети» школьного возраста [8, с. 3, 10–11 и др.]. Таким образом, конфессиональные школы функционировали практически в каждом пункте, населенном католиками.

Следование религиозной традиции западного христианского направления – католического или лютеранского – невозможно без чтения богослужебной литературы: обряд римско-католической литургии проводится по специальным богослужебным книгам – миссалам, алтарикам, часословам, неумение прочесть которые всегда вызывало удивление и осуждение (здесь мы видим влияние образовательной функции на процесс социализации личности, расширение границ картины мира). Немецкая национальная школа в Сибири (и католическая, и протестантская) часто объединялась с церковью не только в одном здании, но и в сознании людей, поскольку в отсутствие священнослужителя учитель исполнял одновременно и обязанности настоятеля: читал воскресную проповедь, вел записи в метрических книгах, собирал и хранил сельскую библиотеку.

В отличие от сельских конфессиональных школ, учреждавшихся и функционировавших на средства прихожан, аналогичные городские школы требовали более серьезного организационного оформления. Сибирь, как и вся территория Российской империи, входила в состав Могилевской римско-католической архиепархии. 14 декабря 1907 г. Стефан Денисевич, архиепископ Могилевский, обратился к министрам внутренних дел и народного просвещения России, прося разрешения учреждать лицам католического исповедания свои приходские училища, «в коих католическая молодежь могла бы получать начальное образование и надлежащее религиозное воспитание». Денисевич мотивировал недостаточность знаний, получаемых в имеющихся школах, тем обстоятельством, что римско-католические законоучители в православные церковно-приходские школы, где обучаются и католики, «не допускаются, вследствие чего дети-католики должны, по недостатку учебных заведений, или вовсе отказаться от школьного образования, или же, обучаясь в православной церковно-приходской школе, оставаться без религиозного воспитания в духе их веры» [9, д. 486, л. 138]. Ходатайство было оставлено без удовлетворения, так как статс-секретарь П. А. Столыпин выразил опасение, что «разрешение, в виде общей меры, устройства проектируемых римско-католических учебных заведений может дать толчок к покрытию нашей западной окраины сетью конфессиональных школ, которые, подобно бывшей Школьной матице в Царстве Польском [«Polska Macierz Szkolna» – культурно-просветительское общество, существовавшее в 1905–1907 гг. – В. З., Т. Н.], поставят себе целью отвлечение детей от русских правительственных школ» [9, д. 487, л. 31]. Согласно установкам имперской власти, система ценностей в картине мира инославных христиан не должна была слишком сильно отличаться от доминировавших в российском социуме православных ценностей.

В Сибири подобные опасения имели под собой гораздо меньше оснований, чем в западных губерниях страны. Поэтому администрация достаточно лояльно относилась к существованию с конца XIX столетия в горо-

дах Барнауле, Новониколаевске, Омске, Тобольске, Томске либо «католических школ при приходе для детей польской национальности», либо «начальных училищ римско-католических благотворительных обществ». Лояльное отношение, впрочем, не распространилось на Восточную Сибирь: при сплошном погоди́чном просмотре «Памятных книжек» Енисейской и Иркутской губерний, Забайкальской области нам не удалось встретить упоминаний об учебных заведениях, аналогичных упомянутым западно-сибирским. Возможно, причина здесь в том, что на востоке Сибири была поселена основная масса репрессированных участников польского восстания 1863–1864 гг.; они, а также их дети и внуки требовали, по мнению правительства, жесткого идейно-политического и социокультурного контроля. Впрочем, зная о существовании польских благотворительных обществ в Иркутске и Красноярске, мы можем предположить наличие и «школ при приходе», однако предположение не есть констатация факта. Менталитет и картина мира детей в семьях восточносибирских «повстанцев»-католиков, несомненно, формировались под влиянием мировоззрения родителей и ближайшего окружения семьи; частными учителями нередко были также ссыльные [10].

После революции 1905–1907 гг. при крупных католических приходах Западной Сибири начали действовать школы на польском языке. Примечательно, что все они вплоть до 1917 г. относились к ведомству Министерства народного просвещения, к разряду «городские приходские училища». Представляет интерес более детальное знакомство с этими учебными учреждениями в сибирских городах [13–15].

Все учебные заведения существовали на легальных основаниях. Нежелательных инцидентов ни с государственными структурами, ни с православной иерархией не возникало по той простой причине, что в школах обучались только дети из католических семей, преподавателями также были единоверцы-католики. Налицо круг тех, кто непосредственно участвовал в формировании религиозной картины мира: учредители из числа благотворителей-прихожан, учителя, родители учащихся. Все они были, кроме того, заинтересованы в качественном образовании, как конфессиональном, так и фундаментальном, классическом.

После революции 1905–1907 гг. преподавание закона божьего римско-католического исповедания, наряду с другими христианскими инославными вариантами, стало практиковаться не только в национальных и конфессиональных училищах, но и в иных общеобразовательных и специальных учебных заведениях империи, в том числе в Сибири. Материалы инспекторской проверки 1909 г. по Могилевской архиепархии хранятся в фондах Национального архива Республики Беларусь. Результаты проверки выявили следующее: учебными заведениями, в которых преподавался закон божий римско-католического исповедания, в Томской губернии являлись губернские мужская и женская гимназии, частная гимназия и реальное училище в Томске, городское четырехклассное училище и женская гимназия в Каинске, женская гимназия, реальное училище, мужская и женская железнодорожные школы в Новониколаевске. В Тобольской губернии это были женская и мужская гимназии в Тобольске, городское училище и женская гимназия в Кургане, женская гимназия, реальное учи-

лице, Николаевское приходское училище в Тюмени. В Акмолинской области – две женские гимназии, мужская гимназия, кадетский корпус, железнодорожное училище в Омске. Учителями закона божьего во всех перечисленных учебных заведениях являлись священнослужители римско-католического исповедания из соответствующих населенных пунктов [12, д. 1504, л. 105, 138, 195, 320, 322, 328].

Попечитель Западно-Сибирского учебного округа 11 февраля 1900 г. определил условия функционирования частных начальных училищ при местных костелах, а также преподавания закона божьего католического исповедания в иных образовательных учреждениях: «1) программа обучения (учебный курс) в открываемых учебных заведениях должна была соответствовать курсу начальных народных училищ; 2) обучение предназначалось для приходящих детей обоего пола римско-католического исповедания; 3) возраст учащихся должен был составлять 7–12 лет, при совместном обучении девочек и мальчиков следовало размещать на разных скамьях» [16, л. 164]. Учитель или учительница должны были назначаться директором народных училищ непременно из лиц, имевших учительское звание, по представлению правления благотворительного общества. Снабжение училищ мебелью, учебными и наглядными пособиями руководители учебного округа всецело поручали правлениям благотворительных обществ при католических приходах. В обязанность этих обществ вменялось также следить за соответствием программы изучаемого курса и используемых учебников стандартам, одобренным учебным комитетом Министерства народного просвещения [16, л. 164–165].

Необходимо отметить, что администрация Западно-Сибирского учебного округа прислушивалась к просьбам учредителей. По ходатайству правления Тобольского католического благотворительного общества в здешней гимназии в мае 1900 г. была изменена учебная программа и увеличено количество часов на изучение польского языка, так как подавляющее большинство гимназистов было из польской среды, и свой язык – основу, «матрицу» национальной и конфессиональной картины мира – они хотели бы знать лучше. В скорректированной программе из 24 еженедельных уроков на закон божий отводилось 5 (вместо стандартных шести), на русский язык – 6 (вместо положенных по правилам восьми), на старославянский – 2 (вместо трех), на польский язык – 5, на арифметику – 4, на чистописание – 2 [16, л. 1–4].

Организация конфессионального образования имела легитимный фундамент, что придавало устойчивость системе картины мира сибирских католиков. Закон божий католического исповедания преподавался в учебных заведениях России по программе, выработанной специальной комиссией департамента духовных дел иностранных исповеданий Министерства внутренних дел в 1888 г. [9].

Проведенный нами анализ позволяет сделать ряд выводов. Религиозная традиция осознавалась католиками Сибири как часть национальной культурной традиции. Соответственно, религиозное образование служило инструментом формирования национальной и конфессиональной идентичности. Идентификатором принадлежности к социуму являлось знание грамоты на родном языке и умение принять участие в «своем» конфесси-

ональном богослужении. Методами приобщения к родной культуре становились изучение языка, традиций, (в том числе религиозных). Образование выполняло функцию одного из факторов формирования картины мира. В соответствии со стремлением сохранить национально-конфессиональную идентичность и присущие ей мировоззренческие черты, родители подрастающих учеников стремились воссоздать в Сибири систему образования, аналогичную привычной для них польской или немецкой. В процессе образовательной деятельности формировались ценностные ориентации обучаемых, их собственная картина мира. Поскольку субъектами процесса обучения выступали как учащиеся, так и учителя – прихожане той же общины, то обмен знаниями происходил в рамках единого мировоззренческого пространства.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. **Гуревич А. Я.** Уроки Люсьена Февра // Февр Л. Бой за историю. – М. : Наука, 1991. – С. 501–541. – (Памятники исторической мысли).
2. **Redfield R.** The Little Community : Viewpoints for the Study of a Human Whole. – Uppsala ; Stockholm : Almqvist and Wiksells, 1955. – [Электронный ресурс]. – URL: <http://ethnopsyhology.narod.ru/study/history/worldview.htm> (дата обращения: 27.06.2009).
3. **Крылов Ю. В.** Объем понятия «гнев» в научной и наивной картинах мира // Проблемы интерпретационной лингвистики: взаимодействие языковой категоризации и творческой активности личности. – Новосибирск : НГПУ, 2002. – С. 20–29.
4. **Кругликов В. А.** Пространство и время «человека культуры» // Культура, человек и картина мира. – М. : Наука, 1987. – С. 167–197.
5. **Недзелюк Т. Г.** Реализация образов картины мира в повседневной жизни инославных христианских общин Сибири XIX – начала XX в.: магистральные подходы в методологии изучения темы // Изв. Алт. гос. ун-та. – 2010. – № 4/3. – С. 175–178.
6. **Российский** государственный исторический архив (РГИА). – Ф. 826. – Оп. 1. – Д. 1825.
7. **Wizytacje** duszpasterskie ksiekdza biskupa Jana Cieplaka // Kościół w Rosji i na Białorusi w relacjach duszpasterzy (1892–1926). – Kraków : Wydawnictwo SCJ, 1999. – S. 99–122.
8. **Кулижнов М.** Начальная школа в Акмолинской обл. // Записки Западно-Сибирского отдела Русского географического общества. – 1899. – Кн. 26. – С. 1–14.
9. **РГИА.** – Ф. 821. – Оп. 125. – Д. 262, 486, 487.
10. **Ручинский Ю.** Конарщик, 1838–1878 : воспоминания о сибирской ссылке // Воспоминания из Сибири : мемуары, очерки, дневниковые записи польских политических ссыльных в Восточную Сибирь первой половины XIX столетия. – Иркутск : Артиздат, 2009. – С. 325–476.
11. **Памятная** книжка Тобольской губ. на 1910 г. – Тобольск : Изд. Губ. стат. ком., 1910. – 321 с.
12. **Национальный** исторический архив Белоруссии. – Ф. 1781. – Оп. 26. – Д. 1502, 1504.
13. **Весь Омск** : справочник-указатель на 1913 г. – Омск : Изд. Акмол. обл. стат. ком., 1913. – 164 с.
14. **Семенова И.** Благотворительное общество // Сибирская старина (Томск). – 1997. – № 12. – С. 28–29.
15. **Весь Омск** : справочник-указатель на 1911 г. – Омск : Изд. Акмол. обл. стат. ком., 1911. – 178 с.
16. **Государственный** архив в г. Тобольске. – Ф. 483. – Оп. 1. – Д. 11.